Сергей Сафонов

опять двойка

Газета. – 2004. – 3 сент. – с. 11.

Глазунов открытых дверей

Чтобы утвердить порядок допуска журналистов на торжества по случаю открытия Картинной галереи народного художника СССР Ильи Глазунова, потребовалось несколько дней. Решение — регистрация в пресс-службе столичной мэрии с последующим визированием списков счастливчиков в ФСО (есть такая организация, имеющая крайне малое отношение к художественной жизни Москвы; читатели наверняка догадаются, как расшифровывается ее название) — вызрело в пятницу вечером, а уже к понедельнику глазуновский пул был укомплектован. Доброжелатели в мэрии предлагали «опоздавшим» обратиться в музей за пригласительным билетом, но там мой звонок встретили таким же доброжелательным смехом: статус ожидаемых гостей настолько высок, что говорить о подобном — просто наивно. Билеты давно уже у по-настоящему нужных людей. Оставалась еще надежда на расклеенные по городу плакаты, извещавшие, что «в день открытия вход свободный, начало в 17.00».

Добравшись до музея в объявленный плакатами срок, корреспондент **Газеты** обнаружил милицейские заграждения и очередь, струящуюся прямо из метро «Кропоткинская» (Глазунов обосновался напротив ГМИИ имени А.С. Пушкина). Впрочем, «струящуюся» — сильно сказано; толпа была бездвижна в ожидании финала затянувшегося фуршета. На противоположной стороне Волхонки в изумлении замерла группа сотрудников Пушкинского музея, давно не видавших такой массовой тяги к прекрасному. Если бы не профессиональная солидарность — на помощь пришла корреспондент «Эха Москвы» Татьяна Пелипейко, находившаяся уже по ту сторону кордонов и героически сумевшая ради моей пошатнувшейся журналистской карьеры оторвать от «випов» и столов вернисажную администрацию, — не читать бы вам этой заметки.

В ожидании решения своей участи я невольно стал свидетелем разговора вышедшего из музея Александра Починка с рядовыми жителями Подмосковья, висящими на ограждении в ожидании свободного допуска. Впрочем, беседа в жанре «а кому сейчас легко» оказалась как-то скомкана: сначала Починок обиделся на собеседников, называвших смехотворно малые размеры собственных пенсий, а потом ему подали служебную иномарку. Так что этот стихийно возникший диалог народа с властью стал продолжением глазуновских традиций: судьбы России всегда горячо обсуждались посетителями выставок художника.

Традиция совместного экспонирования старого и нового, удачного и не очень уже отработана в других музеях московского подчинения, однако раннее творчество Ильи Сергеевича вынесено в отдельный зал. В 1957-м Глазунов окончил принадлежавший Академии художеств СССР Ленинградский институт имени И.Е. Репина; его учитель — Борис Иогансон, автор знаменитого «Допроса коммунистов». Среди восьмидесяти произведений на первой выставке в ЦДРИ было много портретов: Юрий Гагарин, Федерико Феллини, Антонина Коптяева... Другая козырная карта — рисунки к произведениям русских писателей XIX века. Выставка в самом престижном зале Москвы, в Манеже, впервые состоялась в 1964-м. И тогда, и не раз после многочасовые очереди вот так же стояли вдоль Александровского сада, там собирались толпы трактователей глазуновских многофигурных ребусов вроде «Возвращения блудного сына» или «Рынка нашей демократии». Доводилось уже писать о том, из чего складывался успех художественного языка Глазунова. Искусство XX века впервые потребовало от зрителя напряженной интеллектуальной работы, осознания глубоко индивидуальных творческих задач. На таком фоне творения Глазунова, доступные и дидактические, не лишенные многозначительности и свободомыслия, оказались востребованы советским (а теперь — постсоветским) зрителем. Давно усвоившим, что искусство — не игрушка, а оружие в классовой борьбе и что важно не «как», а «про что».

В каком-то смысле Глазунов — сюрреалист, использующий подобно Сальвадору Дали манеру высекания сюжета из сопоставления мало сопоставимых, но легкодоступных даже для неподготовленного восприятия элементов реальности. Художник, некогда начинавший работать в камерном книжном формате, всегда исходил из того, что настоящая картина — большая картина. Одна из таких работ, многометровая «Мистерия XX века», начата в 1977-м, а доработана в 1999 году. Чтобы не запутаться в ее персонажах, пришлось приобрести за двадцать рублей своего рода инструкцию по пользованию: плакат, где рядом с цветной репродукцией соседствуют черно-белая схема с пронумерованными фигурками и список действующих лиц. Наряду с Львом Толстым (№ 1), Гитлером (№ 25), Махатмой Ганди (№ 41) и Миком Джаггером (№ 74, он последний в списке) присутствуют обобщенные образы и понятия: «Падение религии» (№ 5; покосившаяся колокольня), «Мяч — земной шар» (№ 33), «Балет Большого театра» (№ 44; очень маленький), «Танцующие колхозницы» (№ 50), «Символ «Плейбоя» (№ 59). Это я старательно доношу до читателей визуальный контекст, адаптированный стотысячным тиражом. Учрежденный столичными властями музей — действительно полная (хоть и очень сумбурная) инвентаризация творчества Глазунова. Ради полноты экспозиции Третьяковка, например, выдала на Волхонку шестнадцать живописных творений и все запасы глазуновской графики. Мобилизованы и другие музеи.

По иронии судьбы одна из первых выставок Глазунова в годы оттепели состоялась именно в этих стенах советской постройки (теперь переоборудованной под старинный особняк с плюшем и малахитовыми колоннами), а на другой стороне улицы тогда стояла очередь на привозного Матисса. Теперь толпятся у Глазунова. Матисс открывается в Пушкинском во вторник.